

СИЛА БРАТСТВА И КРАСОТЫ

УДИВИТЕЛЬНОЕ путешествие в мир театра совершили недавно миллионы моих земляков, побывавших на спектаклях, премьеры которых состоялись во время Всесоюзного фестиваля драматургии и театрального искусства союзных и автономных республик.

И сразу скажу, они встретились не только с новыми пьесами, спектаклями, фестиваль позволил узбекским зрителям увидеть жизнь нашей страны от края и до края, ее сегодняшний день и вчерашний, национальные характеры, обычаи, традиции, познакомил с изобразительным и мелодическим богатством наших народов.

Впервые Всесоюзный фестиваль драматургии и театрального искусства был проведен к 50-летию СССР. Нынешний, посвященный 60-й годовщине Октября, став качественно новым этапом, отличился и своей масштабностью. Если за 1972—1976 годы, предшествовавшие фестивалю, театры Узбекистана выпустили 79 спектаклей по пьесам драматургов из союзных и автономных республик, то за один этот фестивальный сезон — 40.

Сейчас фестиваль стал крупным явлением общественной жизни, и это идет от самой нашей действительности, от международной практики нашего театрального искусства.

ПОМНЮ в «Репортаже с петлей на шее» Ю. Фучика я играла Густу Фучикову. А вскоре мы познакомились. Это было в Вене, на конгрессе сторонников мира. Потом Густа была у меня в Ташкенте. А тогда, в Вене, я рассказала ей о нашем спектакле, о том, что Юлиус Фучик во время своего приезда в Узбекистан в 1935 году видел меня в Офелии и даже оставил похвальный отзыв. Мы смеялись и плакали. И кто-то, наблюдая за нами, воскликнул: «Вы так похожи друг на друга!»

Иногда говорят, что роли, как дети, — есть родные и приемные. Родные — это те, что о жизни твоего народа, из пьес, написанных на твоём языке, а приемные — это, мол, те, что о дальних землях, с других языков.

За свою уже более чем полувековую работу в Театре имени Хамзы я сыграла около 200 ролей, и не только узбечек. Во всех случаях надо было войти в национальный характер, атмосферу быта эпохи, найти в пьесе созвучие идеям дня и твоим чувствам. И если после спектакля тебе вот так скажут, имея в виду сыгранную героиню: «Вы очень похожи», то это, поверьте, немало!

У матери как бывает: родное дитя может огорчить, приемное стать отрадой на всю жизнь. Не то ли самое с ролями? Все мне близко в Джамиле из «Бая и батрака» Хамзы и в Гули из «Алишера Навои» Уйгуна и И. Султанова, в колхознице Хуррият из одноименной пьесы того же Уйгуна или репетируемой сейчас роли вожака колхоза из «Остановись, солнце» У. Умарбекова: все свое, все из истории и жизни моего народа. Но немало ролей из нашей национальной драматургии вызывает и неудовлетворение из-за схематичности!

И, наоборот, какой отрадой души служат для меня, актрисы-узбечки, Катерина из «Грозы» А. Островского, комиссар из «Оптимистической трагедии» В. Вишневского или образ Марии Александровны Ульяновой из пьесы Г. Ишмуратова «Буре навстречу», мягкий отсвет которого лег и на мой образ простой, узбекской женщины Ойхон-биби из спектакля «Моя Бухара!» Какими забываемыми остаются для меня и, смею думать, для зрителей сыгранные в разное время роли Офелии, Джульетты и Дездемоны из Шекспира, Луизы из шиллеровского «Коварства и любви», Лауренсии из «Фунте Овехуна» Лопе де Вега, героинь из пьес Гольдони и Гоцци! С каким волнением я выхожу сегодня на сцену в ролях матерей: японской из «Украденной жизни», американской из «Дальше

Сара ИШАНТУРАЕВА,
народная артистка СССР

— тишина» или Иокасты из античного «Царя Эдипа»!

В спектаклях мои матери часто прощают детям их грехи. Что ж, дети есть дети. Пороки же ролей непростины. Выбор театром произведения, а актером роли определяется мерой заложенного в них таланта, глубины чувств, силой гуманистических идей. Все истинно художественное, истинно народное, все, что выражает человеческий дух, одинаково принадлежит всем нациям.

Иногда я и мои товарищи говорим о своем театре: «Мы вышли из Ревизора». Было так. В 1924 году нас, совсем юных, послали из Ташкента в Москву, в театральную студию. Среди нас были те, кто впоследствии стал украшением созданного на базе студии театра, — Абрар Хидоятов, Маннон Уйгур, Ходжи-Ситдик Исламов, Шариф Каюмов и другие. На каникулы мы привозили домой студийные спектакли, и одним из первых был «Ревизор».

Влияние демократической культуры России Средняя Азия ощутила уже давно, а то, что русский пролетариат возглавил освободительное движение угнетенных царизмом народов, еще более усилило внимание окраин к истории, образу жизни и культуре русского народа. Да ведь сама русская культура, ее литература — это предметный урок народности, общественной активности и художественной полноты.

В нашем театре ставились Пушкин и Гоголь, Островский и Чехов, Тургенев и Горький. Его подмостки видели почти всю русскую, советскую революционную классику. Мы ставим лучшие пьесы современных русских писателей. И могу сказать: стабильный русский репертуар в любом национальном театре — важный залог его творческого роста и зрительского авторитета.

СЕГОДНЯ мы имеем многоликий, многожанровый национальный театр, многоязыкую драматургию, рожденную великим содержанием народов. Не знаю, достаточно ли глубоко это осознано, но ведь это явление уникальное в мировой истории. Для меня ясно одно: это мощный наш духовный заряд, он, действительно, подлечит более активному взаимному обмену между народами, взаимообогащению, чему фестиваль и служит.

Об этом свидетельствует и нынешняя театральная практика в республике. Практика нашего творческого сотрудничества.

Хорезмский театр имени Огахи решил поставить пьесу Ю. Марцинквичюса «Миндаугас». Постановочная группа и переводчик Омон Матчан выехали в Литву. Постигание на месте стилистики и традиций инациональной драматургии, деталей этнографии, погружение в историю народа позволили узбекскому театру создать яркий спектакль, а главному исполнителю роли М. Бабаджанову вылепить колоритный образ Миндаугаса.

Узбекский театр склонен к обстоятельной жанровой характеристике персонажа, и нетрудно было понять озабоченность коллектива наманганского театра, впервые в республике ставившего молдавскую пьесу. Это была «Каса маре» И. Друцэ. Пригласили молдавского режиссера В. Апостола. Его трактовка пьесы, художественное и музыкальное оформление спектакля помогли театру избежать подражательства, упрощенчества и стилизации. Т. Мамедова создала волевой и лиричный характер главной героини Василицы, изучила молдавские обычаи и сумела выразить их на сцене органично, неудовимо переплетая восточную пластику жестов с ритмикой молдавских напевов.

Мои знакомые армяне едут из Ташкента в Гулистан, говорят: «На армянский спектакль». Речь идет об «Иностранном женихе»

А. Папаяна. Он поставлен на узбекской сцене, в сырдарьинском театре. А подлинно армянские характеры героев, темпераментные, яркие, решенные легко и остроумно, помог воссоздать там приглашенный из Армении режиссер М. Симонян.

Размеры статьи не позволяют подробно сказать о работе режиссеров А. Немец-Заде из Азербайджана и Ш. Киямова из Таджикистана. Первый поставил в Карши «Берега и судьбы» своего земляка Н. Хазри, второй в Джизаке — «Пережитки» М. Назарова. Удача сопутствовала и казахскому режиссеру С. Асылханову. Спектакль по пьесе А. Рахманова «Ветер караванов» он поставил в кокандском театре. Документальность и остроумное решение темы позволили достоверно и взволнованно показать трагическую судьбу казахов в Синьцзяне.

Приглашение постановщиков из Москвы, Ленинграда, из республик не может быть самоцелью. Оно не может, например, подменить терпеливого выращивания и смело-го выдвигания местных мастеров. Но оно плодотворно, когда дает импульс творческому росту коллектива, режиссуры и актерского искусства. Об этом говорит пример работы в Ташкенте талантливого режиссера Ольгердта Дункерса из Риги.

Пьеса Яна Райниса «Золотой конь», которую решили поставить в Узбекском театре юного зрителя в Ташкенте, нетороплива по мелодике и ритмике. Поэтому привычное для узбекских актеров общение на сцене режиссеру надо было перестроить. Только тогда условно-поэтические образы пьесы могли ожить в конкретных характерах на сцене. Но Ольгердт Дункерс сразу уловил и другое — темперамент и эмоциональную возбудимость молодых актеров, воспитанных на образной стилистике узбекской классической поэзии, и нашел точное соприкосновение поэзии двух народов. Премьера была у нас праздником. Спектакль идет с успехом. Помогло, конечно, и то, что его оформил приезжавший вместе с режиссером заслуженный деятель искусств Латвии Г. Земгалс.

Подобные фестивали, помимо всего, должны открывать искусству новые имена. Мы увидели, открыли для себя немало молодых талантов. Произошло это и в ТЮЗе в «Золотом коне». Например, Исмаил Абдуллаев сумел точно и тонко постичь поэзию Райниса. Через весь спектакль он пронес тонкую одухотворенность своего Антиныша, поэтическую приподнятость его мыслей и чувств. И вот недавно Абдуллаева пригласили в Ригу. Он выступил в латвийском ТЮЗе. Впервые в спектакле звучала латышская и узбекская речь, и произошло диво: райнисовский сложный образ открылся новой своей жизненной гранью. Народная артистка СССР Л. Пастернак-Фреймане и народный артист республики Х. Ритенберг назвали выступление узбекского актера в латвийском ТЮЗе событием культурной жизни Риги.

ПУТЕШЕСТВИЕ в прекрасное, о котором я рассказывала, отражает картину активного духовного взаимодействия между народами нашей великой общности. Фестиваль театрального искусства — в русле этого процесса. И хорошо, что Министерство культуры СССР, Союз писателей СССР, их организации на местах — сужу только по Узбекистану — придали ему масштабность и высоту.

Это идет от самой природы нашего строя и является осуществлением полного равенства всех народов и национальностей нашей страны, которое обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР». Так сказано в нашей Конституции. Так это есть в жизни.

ТАШКЕНТ.